

Судебная практика как официальный источник уголовного права

Вопрос отнесения к официальным источникам российского права судебной практики уже не является столь острым предметом для дискуссий среди современных ученых юристов, отчасти это объясняется ее активным использованием правоприменителями. В сравнении это можно представить себе следующим образом: если Конституция Российской Федерации выступает в качестве фундамента для правового государства, нормы права в виде его каркаса и кирпичей, то судебная практика представляет собой цементирующую основу между данными кирпичами.

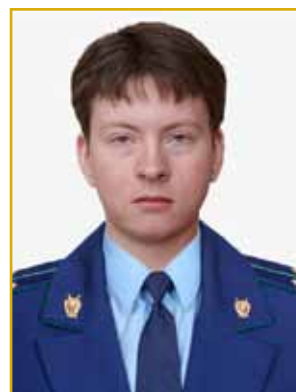
Более того, путем тесного переплетения с правовыми нормами судебная практика, являясь вторичной субстанцией по отношению к последним, порою сама формирует новые нормы права, тем самым восполняя пробелы действующего законодательства.

И если наличие правовых норм, сформированных судебной практикой в рамках гражданского и административного законодательства выглядит не столь необычным, то для законодательства уголовного, учитывая его императивность (ч. 1 ст. 1 Уголовного кодекса РФ – уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса), их существование и возможность применения порождает множество вопросов.

Наиболее характерными источниками вышеназванных норм являются Постановления Пленума Верховного суда РФ.

Согласно п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (далее – Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 N 3-ФКЗ), предусматривающей полномочия Верховного Суда Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения.

Так, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» содержит разъяснения не-

С.С. Дерябин

*Помощник прокурора
Сормовского района г. Н. Новгорода,
юрист 3 класса*

которых составов преступлений корыстной направленности (например, определения «тайного» и «открытого хищений чужого имущества»; «насилия опасного» и «не опасного для жизни или здоровья»).

В свою очередь, многообразие квалифицирующих признаков уголовного наказуемых деяний в сфере незаконного оборота наркотиков предопределило их дальнейшую «расшифровку» в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». Данное постановление обильно насыщено нормами-дефинициями, раскрывающими определения таких понятий, как: «незаконное приобретение», «хранение», «перевозка», «изготовление» и «переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» и т.д.

Наличие в вышеуказанных Постановлениях такого рода положений вызвано практической необходимостью их единообразного правового трактования и правоприменения ввиду отсутствия последних в Уголовном кодексе РФ.

Однако возникает закономерный вопрос, «каким образом рассматривать (применять) вышеуказанные разъяснения, учитывая их юридическую силу: как непосредственно действующие правовые нормы или разъяснения законодательства как таковые?».

В случае «примерки» данных разъяснений в качестве норм права возникает не менее важный вопрос о легитимности их принятия.

Учитывая, что раскрытие содержания правовых терминов, предусмотренных Уголовным кодексом РФ фактически порождает новые нормы (нормы-дефиниции), и эта процедура происходит в обход реализации права законодательной инициативы (без внесения законопроекта в государственную Думу ч. 2 ст. 104 Конституции Российской Федерации), то указанный правовой механизм является косвенным способом реализации полномочий Верховного Суда Российской Федерации, предусмотренных ч. 6 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 N 3-ФКЗ право законодательной инициативы по вопросам своего ведения.

Таким образом, мы приходим к выводу о реальном существовании в российском праве правового прецедента решения правоприменительного, а не правотворческого.

В странах романо-германской правовой системы (Франция, Германия, Россия и т.д.) роль судебной практики в основном не выходит за рамки толкования

закона. Считается, что правотворческая деятельность является прерогативой законодателя, а также органов исполнительной власти, уполномоченных на это законодателем.

Тем не менее, в настоящее время каждый практикующий российский юрист, не нашедший ответов на возникшие вопросы в официальных источниках права, не мешкая начинает их поиски в разъяснениях Пленума Верховного суда РФ, а найдя смело ссылается на них при правовом обосновании своей точки зрения. В свою очередь, судебные органы власти (по уголовным делам) не осмеливаются выйти за рамки данных разъяснений, поскольку их расширительное трактование, равно как и пренебрежение ими может повлечь, впоследствии, изменение или отмену судебного решения.

Следовательно, несмотря на неоднозначный правовой механизм реализации Верховным Судом РФ своих полномочий, современная российская юриспруденция де факто применяет судебную практику в качестве источника (формы) права.

Многообразие форм права в российской действительности способно вызывать случаи конкуренции норм права, что предопределяет нарушение единства национального законодательства и его единообразного применения в целом.

Во избежание изложенного законодатель обязан предусматривать меры правового контроля при формировании правовых норм. Одним из вариантов такого контроля может выступать доктринальный контроль, при котором ученые-юристы будут призваны отсеивать проекты нормативно-правовых актов, идущие в разрез с судебной практикой, а также следить за излишне вольным и самостоятельным толкованием закона судебными органами.

И все-таки, вопрос о конкуренции норм остается открытым.

На мой взгляд, при решении вопроса о степени значимости судебной практики необходимо обратиться к «первоисточнику», а именно к основному закону нашей страны Конституции Российской Федерации.

В соответствии с ч. 2 ст. 4 Конституции Российской Федерации, Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации.

Как гласят ч.ч. 1-3 ст. 15 Конституции Российской Федерации, Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации.

Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Из анализа данных норм можно сделать вывод о том, что нормативно-правовые акты законы и иные (подзаконные) правовые акты наделены юридической силой. При этом, ни правовой прецедент, ни правовой обычай такой силой не наделены.

И если правовой обычай, облаченный в нормативно-правовой акт имеет юридическую силу (ст. 5 Гражданского кодекса РФ), так как часть первая

Гражданского кодекса Российской Федерации введена Федеральным законом от 30.11.1994 N 52-ФЗ, то правовой прецедент (судебная практика) этим похвастаться не может. Из чего можно заключить, что в случае прямой конкуренции норм судебная практика неминуемо уступит нормативному правовому акту.

Подводя итоги необходимо отметить несомненную пользу официальных разъяснений законодательства, в том числе и уголовного. Уголовный кодекс Российской Федерации введен в действие с 1 января 1997 года и за столь продолжительный период его существования появилась объективная потребность в его актуализации. А в отсутствие необходимых актов правотворчества судебная практика, выступая некой эссенцией практических знаний в отдельной сфере правоотношений, способна на временной основе сглаживать возникающие коллизии права. ■